

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОРПУСА РУССКИХ МОНЕТ XVIII и XIX вв.

В конце XIX—начале XX в., на протяжении примерно четверти века, в значительной степени было осуществлено не замененное до сих пор издание русских монет XVIII и XIX вв.¹ При всем бросающемся в глаза тенденциозном антураже этой не доведенной до конца многотомной серии она занимает важнейшее место в нумизматике. Без нее не обойтись любому исследователю металлических денег России указанного периода, а ее каталоги исчерпывающи и почти безупречны.

Издание подкупает новаторским замыслом — последовательным сочетанием богатых подборок документов с синхронными им каталогами монет, воспроизводимых на таблицах. Сожаление вызывает лишь отсутствие материалов по бумажным деньгам, как бы не существовавшим для издателей. До какой степени замысел издания опережал нумизматическую традицию своего времени, свидетельствуют его «адаптированные» переиздания — парижское (в переводе на французский, 1916 г.), по обстоятельствам военного времени оставшееся в России неизвестным, и бостонское (повторение парижского, опубликовано в 1978 г.).² В них неполное описание монет Александра III доведено до его смерти, зато полностью исключены все археографические разделы.

Что касается сочности и новизны публиковавшихся документов, то достаточно напомнить о шоке, постигшем сразу два министерства — финансов и иностранных дел — после выхода уже первого тома Корпуса в 1888 г., который положил начало разоблачению авантюры екатерининского времени — тайной чеканки в Петербурге начиная с 1786 г. голландских червонцев — «лобанчиков».³

¹ *Георгий Михайлович, вел. кн.* 1) Монеты царствования императора Александра II. СПб., 1888; 2) Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890; 3) Монеты царствования императора Павла. Монеты царствования императора Александра I. СПб., 1891; 4) Русские монеты 1881—1890 гг. СПб., 1891; 5) Русские монеты, чеканенные для Пруссии, Грузии, Польши и Финляндии: Пруссия. 1759—1762. Грузия. 1803—1833. Польша. 1815—1841. Финляндия. 1864—1890. СПб., 1893; 6) Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. 1, 2; 7) Монеты царствования императрицы Елизаветы и Петра III. СПб., 1896. Т. 1, 2; 8) Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. Монеты царствования императора Иоанна III. СПб., 1901; 9) Монеты царствования императрицы Екатерины I. Монеты царствования императора Петра II. СПб., 1904; 10) Монеты царствования императора Петра I. СПб., 1914. Т. 2.

² *Georges Michailovitch, Grand Duc. Monnaies de l'Empire de Russie. 1725—1894. Traduction française par Mme Nadine Tacké, née Lenivova, docteur de l'Université de Paris // Quarteron Publications Inc. Boston; Mass., 1973.*

³ *Спасский И. Г. Когда и для чего впервые чеканились в Петербурге голландские дукаты? // ВИД. Л., 1978. X. С. 22—38.*

В течение четверти века на средства вел. кн. Георгия Михайловича (1863—1919), но без участия его как автора шла дружная работа двух «редакций» — археографической и нумизматической, обеспечивавшая подготовку и сдачу в печать тома за томом в лучшие типографии России труда, посвященного истории денежного дела и монетам России XVIII и XIX вв., хотя каталог включал и убогие копейки Ивана и Петра Алексеевичей, чеканенные с 1682 г. Тем острее демонстрировалась внушительность монетной реформы Петра I, опередившей с ее децимарной системой Западную Европу на сотню лет и окончившей в течение 1700—1718 гг. с безобразным наследием русского средневековья — жалкими проволочными копейками.

По поводу очередных томов издания печаталось немало хвалебных отзывов. Ограничимся ссылкой на рецензию Н. П. Лихачева, посвященную четырем томам с монетами царствований Елизаветы, Петра III и Екатерины II.⁴ Рецензия опубликована в самом издании; надо думать, автор посылал рукопись для ознакомления издателю, а тот предложил «породнить» ее с изданием.

Заслуга замысла и начало его осуществления принадлежат вел. кн. Георгию Михайловичу. Как и называемые далее другие участники этого издания, он сделал все, что было в его возможностях, — вплоть до придания труду отмеченного выше «колорита». Время и неизбежное отсутствие возражений со стороны участников-исполнителей закрепили за изданием имя одного вел. кн. Георгия Михайловича. Возможно, найдутся «заступники» за честь великого князя; кто-нибудь непременно вспомнит старшего брата — Николая Михайловича — издателя великолепной сюиты русских «Некрополей», только у последнего находилось место и для предисловия, подписанного настоящим автором труда.

Когда работа коллектива только еще начиналась, ее непосредственными исполнителями на добрых 15 лет стали, не считая шефа-мецената, всего два человека: археограф, образовавшийся из чиновника Министерства торговли и промышленности, Михаил Густавович Деммени (рис. 1) и хорошо известный нескольким поколениям любителей русской нумизматики XVIII и XIX вв. Христиан Христианович Гиль. Больше всего побуждает почтительно говорить о М. Г. Деммени объем выполненной им для Корпуса работы. Если учесть и его собственные публикации, возникавшие в ходе его занятий в архивах,⁵ участие в Нумизматическом конгрессе 1910 г. в Брюсселе и выполнение обязанностей секретаря нумизматического отделения Русского археологического общества, то довольно трудно представить себе, что же он успевал делать в министерстве, о службе в котором сообщает справочник «Весь Петроград» на 1916 г. Известно, что он был коренной петербуржец, об этом говорят могилы его родителей, брата и, кажется, деда в родовом уголке Охтинского кладбища.

⁴ Лихачев Н. П. Русские монеты 1741—1796 годов : (Критическая заметка). СПб., 1897.

⁵ Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г. / Сост. М. Г. Деммени. СПб., 1887. Т. 1—3.

Опубликованные сведения о нем обрываются скупой справкой: «около 1870—1920».⁶ Умер он в Новгороде, куда переселился не позже 1917 г.

Деммени включился в работу вряд ли позднее 1894 г., когда могла уже существовать договоренность о подготовке трехтомного

Рис. 1. Портрет М. Деммени (плакета).

«Сборника указов». Судя по не принадлежавшему издателю анонимному предисловию, Георгий Михайлович уже тогда находился во власти своего замысла, да и «Указы» нужны были ему как каркас для будущих археографических подборок. По-видимому, Деммени

⁶ Весь Петроград. 1916. Отд. III, С. 203; Русский исторический журнал. 1921. Т. 7. С. 233.

работал у великого князя по разовой договоренности: на такой характер отношений указывает специфический тон первого упоминания о нем нанимателя в предисловиях к томам Корпуса: «Документы рассматривал и собрал по моему поручению г. Деммени» (1888 г.), —

Рис. 2. Портрет Х. Х. Гиля.

и вторично сказано, чуть мягче: «Собраны по моему поручению М. Г. Деммени» (1901 г.). С 1889 г. Деммени уже состоял на постоянной службе по Двору великого князя и числился заведующим Минц-кабинетом.⁷ В третий и последний раз он упомянут в 1914 г. гораздо сердечнее и уже никак не отделен от других участников издания.

Х. Х. Гиль (рис. 2) родился в Висбадене в 1837 г. В 1867 г. приехал в Петербург, чтобы стать гувернером в состоятельной семье

⁷ ЦГИА СССР, ф. 530, Контора двора вел. кн. Георгия Михайловича, оп. 1, № 487, дело о службе зав. Минц-кабинетом М. Г. Деммени.

Толстых. Оставшись до смерти одиноким, он стал своим в доме Ивана Ивановича Толстого (1856—1916),⁸ долго болел и под конец жизни уехал умирать на родину. До самого отъезда в его ведении оставалась грандиозная толстовская коллекция русских монет. До приезда в Россию он питал серьезный интерес к античным монетам и уже успел кое-что сделать в этой области. Занимался он ими и в России, но здесь его захватило увлечение воспитанников Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Толстых, начало которому положила находка в 1879 г. в их имении елизаветинских рублевиков.

Прошло немного лет, и, образовав своего младшего воспитанника, свободный от каких-либо серьезных обязанностей и совершенно чуждый высокомерия, Гиль стал лидером русского монетоведения новейшего времени и признанным покровителем самого непритязательного, ориентированного только на монеты регулярной чеканки XVIII и XIX вв. собирательства. Он подхватил и модернизировал «табличную методу» своего предшественника, минералога и нумизмата Л. Панснера (1777—1851).⁹

Один или в соавторстве с учениками — И. И. Толстым и А. А. Ильиным (1857—1942), выступившими однажды, уже после его смерти, вдвоем, — он публиковал практические руководства-определители для собирателей, годные и для музеев.¹⁰

Губернер Толстых рано заинтересовал Георгия Михайловича, начавшего собирать монеты в 15-летнем возрасте, в 1877 г. Он, пожалуй, не отказался бы заполучить скромного толстовского губернера в свое полное распоряжение, да тот успел укорениться у Толстых. Для великого князя Гиль, начавший, по-видимому, с оплачиваемых услуг, стал привлекательным человеком, учителем и главным наставником в нумизматике.

Уже имевший обширную практику переписки с любителями и поисков особо редких монет и целых коллекций для Толстых, Гиль был, как тогда говорили, «фактором», а теперь сказали бы — «агентом» и для великого князя. Лучшего исполнителя каталогов, а заодно и руководителя всего дела трудно было бы отыскать. Гиля устраивало попечение еще над одной коллекцией, но он предпочитал определенную независимость от претендента на его услуги, оставаясь под покровительством любивших его и ставших ему дорогими Толстых. Импонировала их изумительная для понимающего человека коллекция, избавлявшая его от необходимости слишком часто бывать у августейшего шефа. Примечательно, что, занявшись затейным великим князем Корпусом, он так и не сделал того, что, казалось бы,

⁸ Жебелев С. А. Граф Иван Иванович Толстой. Пг., 1916; Спасский П. Г. Нумизматика в Эрмитаже // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. VIII. С. 203—204.

⁹ Pansner L. Versuch einer tabellarischer Übersicht der russischen Münzen. St.-Petersburg, 1833; Русский биографический словарь. СПб., 1902. Том «Павел—Петр». С. 268—269.

¹⁰ Гиль Хр. 1) Таблицы русских монет двух последних веков. СПб., 1883; 2-е изд. 1898; Гиль Хр., Ильин А. Русские монеты, чеканенные с 1801—1904 г. СПб., 1904; Ильин А., Толстой И. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. СПб., 1910.

ожидали от него Толстые: их великолепная коллекция передавалась в 1917 г. в Эрмитаж, не имея ни каталога, ни хотя бы элементарной описи.

И. И. Толстой мог только радоваться, что его наставнику нашлось на старости лет столь увлекательное дело, дававшее ему и кое-какие средства. Сам он, вкусивши от прелести русских и византийских нумизматических древностей, стал равнодушен к новейшим монетам. Решая будущее своего уникального собрания, завещаемого Эрмитажу, после смерти Гиля он в 1913 г. освободил свою коллекцию от уже имевшихся в Эрмитаже монет XIX в., не пощадив даже сверхредкий «константиновский рубль» 1825 г.¹¹

Формируя комплект за комплектом таблицы слепков, поступавших к нему из подручной толстовской коллекции, из Эрмитажа, от разных собирателей, порой даже из-за границы, Гиль сравнительно редко обращался к собранию Георгия Михайловича, пользуясь из него лишь уникалами и монетами лучшей, чем у Толстых, сохранности.

Вполне понятное желание увидеть напечатанным каталог своего собрания вслед за опубликованием его редкостей в 1886 г.,¹² как представляется, и было самым первым движением души начинающего собирателя к мысли о Корпусе. На деле же в размеченных по принадлежности монет десятках таблиц рабочего комплекта А. А. Ильина (в Эрмитаже) пометка «В. к.» (великий князь) встречается не чаще, чем «Ильин», «Зубов» и многие другие, а обилие на всех таблицах монет Толстого и редкостей Эрмитажа делают Корпус Георгия Михайловича прежде всего наиболее полным каталогом новейшей части русского эрмитажного собрания.

Первым путеводителем по истории формирования Корпуса послужит нам расположенный по годам выпуска список всех изданий Георгия Михайловича, включающий и издания, не принадлежащие к Корпусу непосредственно. Он сразу же внушает уверенность в том, что замысел Корпуса овладел юным Георгием Михайловичем со времени его знакомства с Гилем, влияние которого сыграло в этом решающую роль. Кроме того, принятый поначалу порядок (точнее, беспорядок) выпуска первых томов убеждает, что Деммени, даже до того как приступить к выборке из Полного собрания законов материала для «Сборника указов», уже не первый год был нацелен на систематический подбор документов — скорее всего еще не в архивах, а по протекции великого князя в соответствующих учреждениях и министерствах. Иначе он не располагал бы таким свежим материалом второй половины XIX в., который еще не мог уйти в архивы. Подручный материал канцелярий не может не быть лучше сдаваемого в архив остатка. Обеспечить такой путь к источникам в эпоху раздуваемого после гибели «царя-освободителя» казенного шлетета было по плечу лишь великому князю. Эти соображения по-

¹¹ А. Hess Nachf. Sammlung Graf I. I. Tolstoi : Russische Münzen des 19. Jahrhunderts. Auction 10 III 1913. Frankfurt am Main. 1913.

¹² *Георгий Михайлович, вел. кн.* Описание и изображения некоторых редких монет моего собрания. СПб., 1886.

зволяют усомниться в правильности предположительно названной даты рождения Деммени — 1870 г.

Приобщение Деммени к археологии представляется первоначально как работа по чьей-то рекомендации у великого князя в роли консультанта или референта по истории. Если он начинал в качестве «наемника», как, вероятно, и Гиль, то заменявшие последнего во время болезни и окончательно заменившие после смерти Ильин (рис. 3)

Рис. 3. Портрет А. А. Ильина (рис. Г. Верейского).

и Толстой (рис. 4), люди вполне обеспеченные и обремененные многочисленными основными обязанностями, трудились во славу нумизматики по доброй воле, рассчитывая лишь на благодарность таких же, как они, любителей-читателей и только в меру возможности на благодарность издателя. Находясь во власти общего увлечения, они отдавали делу что могли: время, умение, опыт да еще доброту и скромность. Но не будем исключать из рассматриваемого предприятия и Георгия Михайловича (рис. 5). Как и его коллеги, он усвоил, что его положение в обществе (если не над ним) и вытекающая из него

фатальная непереносимость поведения и связывающих условий цепко держат его на определенной «орбите». Однако, предоставив общему делу как прикрытие от излишне пристального внимания свое имя и финансируя издание из средств своего Двора, он открывал совершенно небывалые, фантастические возможности публикации.

Рис. 4. Портрет И. И. Толстого (рис. П. Грицмана, 1913 г.).

Для археографического поиска, которым он «руководит», давая свои «указания», великокняжеская протекция сдувает все вырастающие перед замыслом Корпуса цензурные запреты. Она обеспечивает доступ к архивам или действующим документам учреждений и служб в столице и на любом удалении от нее. Она же дает беспрецедентный доступ к сокровищам императорского Минц-кабинета в Эрмитаже. Корпус предположено было печатать в лучших типографиях страны: таблицы — в Экспедиции заготовления государственных бумаг с ее новинкой — фототишшей, каталоги — у Бенке. Но все это станет явью лишь в том случае, если издание будет последовательно пред-

ставлено всем как дело исключительной инициативы самого издателя, его личное начинание, а ради этого там, где принято обозначать имя автора, должно стоять его «августейшее» имя. Поэтому фактическая анонимность труда может быть объяснена и как результат некоего «сговора» истинных авторов во имя задуманного дела.

Рис. 5. Портрет великого князя Георгия Михайловича.

Мне довелось совсем недолго знать Алексея Алексеевича Ильина — одного из «заговорщиков» — и работать рядом с ним. Об отношении к делу второго «заговорщика» — Ивана Ивановича Толстого — слышал только от его сына, академика, навещавшего иногда отцовскую коллекцию и любившего посидеть около уютных «толстовских» шкафов.¹³ Вслед за Ильиным и Толстым, во всяком случае с того времени как Х. Х. Гиль отошел от руководства изданием и вся полнота ответственности легла непосредственно на Георгия Михайловича, великий князь трезво и сознательно пошел на то, чтобы его юноше-

¹³ И. И. Толстой и А. А. Ильин вместе заказывали шкафы для своих монетных коллекций. Их шкафы «встретились» после их смерти в кабинете русских монет в Эрмитаже.

ская, поначалу честолюбивая затея стала делом кружка твердо веривших в порядочность друг друга людей.

Душой и умом издания в первые 10—12 лет был Х. Х. Гиль. В его руках находилось управление всем делом издания примерно до 1900 г. Дальновидно и предусмотрительно планируя, он упорно стремился к опережающему обеспечению будущих томов таблицами. Нужно было организовать довольно широкий фронт изготовления слепков требующихся монет в Эрмитаже и у Толстых, а кое-что заказывать в Москве и даже за границей. При этом требовалась уверенность в том, что он на зубок знает все издаваемые монеты в их последовательности и ничтожнейших разновидностях. И он действительно знал их безупречно благодаря опыту своей табличной работы. Облегчал дело и отказ от данных о весе, пробе и т. п. — им отводились специальные таблицы.

Кажущуюся странной спешку с безмерным опережением в комплектовании таблиц, вероятно, могла стимулировать сама по себе просто невероятная возможность получения в слепках всего требующегося из Эрмитажа. Такой знаток, как Гиль, легко мог составить список нужных слепков. Для него было очевидно, что если не будет задержек из-за Деммени, то сами по себе монетные выпуски трех последних царствований никаких затруднений не представляют. Тома с этими новейшими монетами могут понадобиться исследователям в неопределенном будущем, но почему бы не выпустить их раньше. И вот без особого порядка идут в публикацию монеты Александра II, за ними — Николая I, Александра I и Александра III (даже не дожидаясь конца царствования). Заодно публикуются небольшие, но важные «привески» к русской нумизматике — материалы прусской, грузинской, польской и финляндской чеканки. Пока эти почти не требовавшие умственной работы тома будут издаваться, выигрывается время для все более ответственного подбора и заготовки впрок таблиц монет XVIII в., а главное получает больше времени Деммени, которого ждут командировки в Москву и Екатеринбург и неизвестность недавно еще совершенно неприкосновенных архивных фондов XVIII в., не раз горевших, подмокавших в наводнениях и лежавших в чиновничьем забвении. Представляется, что так пришло разумное решение идти и дальше через все издание только вспять, но от простого к сложному.

Одним из первых затруднений явился только что вырвавшийся из «неприкасаемости» секретный рубль Константина 1825 г., взбудораживший любителей нумизматики. Он уже был у Георгия Михайловича (получен им при августейшем дележе архивной находки), был и в Эрмитаже, а самый первый из ставших известными — и у Толстого. Георгий Михайлович после сенсационной публикации Д. Ф. Кобеко 1880 г.¹⁴ уже писал о нем, издавая в «Редкостях» свой экземпляр. Где же помещать его? Сразу после монет Александра I

¹⁴ Кобеко Д. Ф. Рубль императора Константина // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 187—189; Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. М.; Л. 1964.

или на самой первой таблице в томе монет Николая I? Безопаснее было поместить его в конце обзора чеканки Николая.

К рубежу XX в. издание подошло, имея в активе отмеченные по-настоящему лестной рецензией Н. П. Лихачева четыре весомых тома монет царствований Елизаветы, Екатерины II и Петра III. Археографические разделы в них полны никогда еще так обстоятельно не публиковавшимся материалом о чеканке меди на временных провинциальных дворах. Далось это нелегкой ценой: Деммени пришлось перевернуть и реорганизовать Екатеринбургский архив, составу которого он посвятил специальную публикацию.

Обратимся теперь к предисловиям, которые писал и подписывал сам Георгий Михайлович, бывало и просто «подмахнув» услужливо предоставленную справку, как, например, составленную начальником Монетного двора Н. П. Фоллендорфом в томе монет Александра I. Эти предисловия позволяют постичь характер и истинное существо рассматриваемого издания да и характеры бившихся над ним людей.

Предисловия открывают нам заботы, все больше одолевавшие издателя. Из них первой стала мысль о страдавшем от прогрессирующей беспомощности, болезни и наступавшей слепоты Гиле. Тома поначалу шли бойко; бывало, что дата выпуска повторялась на титульных листах, но постепенно увеличивавшийся разрыв между томами стал тревожить. В самом первом предисловии 1888 г. выражалась почтительная благодарность Гилю «за помощь словом и делом», и перед этим походя было отмечено, что «на таблицах помещены все монеты (данного царствования. — *И. С.*), известные лучшему знатоку русской нумизматики Христиану Христиановичу Гилю и мне». Это не очень удачное выражение еще дважды заученно повторялось в 1890 и 1891 гг. А интервал между томами 1896 и 1901 гг., несмотря на лежавшие без движения комплекты готовых таблиц, занять было нечем. Становилось ясно: писать каталоги некому.

В каком-нибудь предисловии можно было уклониться от выражения благодарности, но в следующем приходилось сообщать, что, как и все прежние выпуски, новый том создан только трудами Гиля. Это даже не было неправдой, так как в спешке минувших лет счастливой работы именно Гиль наготовил впрок такую гору таблиц, что их хватило почти до конца издания. В 1893 г. читаем: «Описание монет этого отдела составлено под непосредственным руководством известного знатока русской нумизматики Хр. Хр. Гиля. Варианты монет отмечены по самому богатому монетами этого отдела (имелась в виду чеканка Елизаветы Петровны для Пруссии. — *И. С.*) собранию гр. И. И. Толстого». Действительно, Толстой имел все основания гордиться поразительной полнотой подбора этих очень редких и неизученных монет, как, впрочем, и всех монет «окраин». Уж этот-то каталог от первой до последней строки писал, конечно, сам Толстой между другими делами, которых у него в 90-х гг. было предостаточно.

В 90-х гг. скорее всего у самого И. И. Толстого возникла мысль поддерживать силы и поднять дух доброго старика Гиля, отметив 25-летие его нумизматической деятельности в России. За точку

отсчета можно взять 1879 г. — дату упоминавшейся выше находки (едизаветинских рублевиков), заложившей основу коллекции воспитанников Гиля. В 1894 г. скромно, вполголоса, отметили юбилей дома у Толстых. Великий князь вручил Гилю заказанную на Монархическом дворе по лепке А. Ф. Васютинского золотую юбилейную медаль (рис. 6, а, б); прочли адрес и вручили красивый бювар с накладными металлическими славянскими и со всякими «петушиными» буквами, надписями «от собратьев и учеников нумизматов». На атласе и марокене, тисненном золотом, лежал разрисованный художником Митропольским писанный под старину лист, на котором находились подписи нумизматов Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринбурга и городов Крыма. Екатеринбург представлял случайно оказавшийся в Петербурге член Уральского общества любителей естествознания П. И. Тарасов, коллекционер «по Гилю».¹⁵ Вероятно, таково же происхождение подписи южанина А. Л. Бертъе-Делагарда. В Петербурге расписались Георгий Михайлович, И. И. Толстой, А. А. Ильин, А. А. Куник, А. К. Макаров, В. Г. Тизенгаузен, Н. П. Лихачев, М. Г. Деммени, Ю. Б. и В. М. Иверсены, Н. П. Фоллендорф, Н. Ф. Романченко и еще несколько собирателей; в Москве — П. С. Уварова, А. В. Орешников, И. И. Горнунг, В. К. Трутовский, П. В. Зубов, Д. Н. Ушаков, А. Д. Нечаев, В. А. Ульяницкий и А. Н. Ленивов (вероятно, родственник переводчицы упомянутого парижского издания Корпуса). Киев представляли В. Б. Антонович, С. В. Бодилевский, Н. А. Леопардов, А. П. Новицкий, Н. И. Петров, И. А. Хойновский.

Издание, впервые ощутившее разрыв между томами в четыре года, достигло той стадии, когда специфические трудности слабоизученного предшественниками материала все больше требовали постоянного присмотра и внимания при монтировке давно заготовленных таблиц; усложнялись и каталожные описания. Но в предисловии указывается, что выпуск 1896 г. был подготовлен «при благосклонном содействии Хр. Хр. Гиля». В 1901 г. снова встречаем ту же полуправду: «Таблицы с рисунками монет составлены при участии известного знатока отечественной нумизматики. . .». Чем тяжелее болезнь Гиля, тем внимательнее и сердечнее оберегают его ученики, желая, чтобы новые тома вливали в него силы. А как быть дальше? Ведь и умолчания об истинных исполнителях не могут радовать больного.

Еще одно торжество, по всей вероятности, еще более интимное, не могло обойти Гиля. Его идею, в чем можно не сомневаться, подсказал недавний юбилей. В библиотеке Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа сохранилась напечатанная в типографии Бенке на листах кремовой бумаги следующая нескладно составленная памятка: «Роспись русским деньгам и цытам (медалям) яже ся

¹⁵ Спасский И. Г., Тальская О. С. Угольные печатки собрания Государственного Эрмитажа // Сибирская археология и этнографическое изучение. Новосибирск, 1979. С. 112; Черданцев А. Каталог собрания монет Петра Ивановича Тарасова // Зап. Уральск. о-ва любителей естествознания в г. Екатеринбурге. 1914. Т. XXXV (XXXIV), вып. 5. С. 82—114.

а

б

Рис. 6. Юбилейная медаль в честь Х. Х. Гиля (автор А. Ф. Васютинский).
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

обретают в собрании денежных — золотых, платиновых, серебряных и медных — знаков великого князя Георгия Михайловича. Сие удивления достойное по множеству, по разноличию и по доброте собрание составися помалу тщанием великого князя Георгия Михайловича в КЕ (25) летех. Начатся мѣца декемврия лета 1877-го (1877), а имать к генварю лета 1903-го (1903)».

Далее в двух столбцах, для монет и медалей, с графами для металлов приведены подробные сведения о составе собрания и общий итог: по монетам — золота 700, платины 51, серебра 10 601, меди 4697 и всего 16 049; по медалям — золотых 385, платиновая 1, серебряных 1853, медных 1133 и всего 3371.

Только в 1901 г. в очередном предисловии издателя нет упоминания о Гиле и благодарность адресуется обоим его ученикам: «особенная признательность» — Ильину «за советы и полезные указания», а Толстой назван лишь среди немногих владельцев публикуемых редкостей. Таково же упоминание о нем в 1904 г., где Ильину высказывается опять «благодарность за содействие в деле описания монет». Не приходится сомневаться, что А. А. Ильин — автор каталогов обоих томов, а Толстой — владелец около 90 % изданных монет.

Х. Х. Гиль умер в сентябре 1908 г. в Дрездене, куда уехал лечиться. Некрологи называют разные даты его смерти — 14 и 15 сентября,¹⁸ а постыдный жетон (рис. 7, а, б), которым проводила Гиля отечественная «нумизматическая Сухаревка», предлагает, кажется, 19-е. Гравер штемпеля в силу крайнего невежества «наградил» покойного небывалым званием «великого русского нумизмана». Одна пристойная медалька с портретом и надписью: «Доброму помощнику русских нумизматов. 1869—1908» (рис. 8, а, б) — выпущена неназванной фирмой, возможно Жаккара.

Долгая болезнь Гиля годами тормозила издание, а после его смерти оно и вовсе прервалось. Лишь типографии еще было что делать — фотографировать, клишировать и допечатывать последнюю партию подготовленных Гилем таблиц для царствования Петра I. Возобновление сколько-нибудь нормальной работы над каталогом затруднялось еще и тем, что Гиль составлял текст каталогов прямо с листов таблиц и никакого «организованного» наследия не оставил. Нужно было ориентироваться на ранее выпущенные каталоги. «Антракт» между тем затягивался уже совсем неприлично. Видимо, и Экспедиция беспокоила контору великого князя напоминаниями о наличии готового комплекта таблиц для запланированного I тома монет Петра I (1682—1710 гг.).

В конце 1913 г., когда писалось предисловие к этому тому, возможно, было уже готово и большинство таблиц следующего тома

¹⁸ Деммени М. Христиан Христианович Гиль. † 15 (28) сентября 1908 г. // Зап. имп. Русского археолог. о-ва. 1909. Т. 1, вып. 2—3. С. 1—11; Орешников А. В. Х. Х. Гиль. † 14 сентября 1908 г. // Нумизматический сборник. М., 1911. Т. 1. С. 621—624.

а

б

Рис. 7. Жетон в память Х. Х. Гиля.

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

а

б

Рис. 8. Медаль в память Х. Х. Гиля.

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

(за 1711—1718 гг.); завершение издания казалось таким близким, что Георгий Михайлович решился обойтись без прежних «церемоний». Он писал: «Выбор монет, помещенных здесь, и распределение по типам и разновидностям обеих сторон и другим признакам были сделаны покойным маститым знатоком русских монет, моим незабвенным учителем. . . Это его последняя работа на пользу русского монетоведения». Но здесь же отмечено, что Ильин и Толстой «любезно взяли на себя довести до конца работу своего учителя», т. е. написать каталог. Вполне ясно, что сленки последних таблиц к этому времени были подобраны для фотографирования еще самим Гилем и что очередь до них дошла во всяком случае после выхода тома монет Екатерины I и Петра II, когда Гиль еще был жив. В Экспедиции скорее всего находились уже и наборы для фотографирования последних сленков с монет Петра I.

Выполненный И. И. Толстым и А. А. Ильиным вполне самостоятельно и изданный в 1914 г. том стал испытанием для них; со многими из его самых коварных монет они встретились впервые и притом не в натуре, а лишь на подготовленных Гилем таблицах. В таком случае были возможны накладки, и они не заставили себя ждать.

Наиболее неприятные промахи связаны с десятком пробных монет, составляющих сегодня вполне созревший для его постижения комплекс, а тогда он еще терялся среди массы других петровских монет. Первый шаг приближения к еще не раскрытой теме петровской нумизматики сделала Е. С. Щукина, опубликовав в 1962 г. документ, рассказавший о встрече Петра I в 1710 г. с его «Левшой» — не знавшим грамоты русским скульптором и мастеровым человеком Федором Алексеевым, который показывал царю придуманный им «инструмент» для печатания надписей на гурте монет.¹⁷ В производство это изобретение не внедрилось: может быть, оно было слишком громоздким или требовало дополнительной операции, удорожающей и замедляющей выделку медной монеты, ради которой оно было придумано?

Откуда такая заинтересованность в гурчении медных монет? Вскоре после выхода в обращение медной петровской копейки начался приток через польскую границу масс выделывавшихся в неприступных поместьях польских магнатов фальшивых копеек, очень раздражавших Петра и его «монетную администрацию». Теперь это хорошо известно отчасти и благодаря находкам Демени. По-видимому, перед 1708 г., которым датирована самая ранняя проба Ф. А. Алексева, Петр посетил Адмиралтейский монетный двор и дал толчок конструкторской мысли Алексева рассказом о виденном им гурчении монет в Лондоне. Каким был принцип действия «инструмента» Алексева, вероятно, мы никогда не узнаем. На пробных монетах можно лишь увидеть, что гурчение производилось между двумя плашками с полукольцевыми вырезами; одна из этих плашек несомненно была подвижной.

¹⁷ Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962.

Те пробные монеты, которые показывал царю в 1710 г. Алексеев, есть в Каталоге, но они описаны не с самих монет, а с таблиц, где гурт не виден. Вся серия 1708—1710 гг., которую наметанный глаз, казалось бы, сразу должен выхватить (по руке Алексеева) из россыпи монет того времени, описана в трех местах Каталога: по одной монете — в 1708 и 1709 гг., остальные все вместе — в 1710 г. Все, кроме одной денги, оказавшейся у Георгия Михайловича, хранятся теперь в Эрмитаже.

Описание самой ранней монеты правильно выделяет ее в томе 1914 г. как пробную под № 1382 (табл. XLV, 27). Кружок с обычным «копеечным» всадником в веночке из дубовых листиков, без легенды, лишь с арабской датой под конем и пятистрочной легендой с именем и титулом на обороте имеет четко вырубленные грани гурта; думается, эта монета взята для показа хорошей просечки. Подобна ей и монета 1709 г. № 1556 (табл. L, 28), только на обороте в шестой строке есть еще буквы «М. Д.» (в каталоге Рейхеля¹⁸ это № 1129). Эта проба предлагает оригинальное «анэпиграфное» гурчение, для которого требуются фигурная высека и обжимка каждого зубчика в кольцах плашек «под шарик».

Погрешности начинаются в группе копеек М. Д., к которой в самом конце ее подверстано описание неопознанной алексеевской пробы № 1699 (табл. LV, 21). Монета почти не отличается от других копеек этого раздела, имеет славянскую дату, но выглядит чуть щеголеватее. Сверяясь с каталогом Рейхеля, нетрудно было бы опознать ее в № 1164 — с гуртовой надписью: «Московская, капеика манетного. денежного двор...». Дальше под № 1700 (табл. LV, 22) описывается не идущая уже в эту группу явно пробная монета, для которой в виде исключения даже приведена гуртовая надпись. На ней тот же алексеевский «копейщик» в веночке из листьев дуба, арабская дата — «1710», а под нею еще и буквы «М. Д.», а на обороте опять строчная надпись. Упущение усугубляется еще и тем, что проба описана среди медных монет, но отмечана из серебра.

На непосредственно следующей таблице, а в Каталоге на первой в разделе «Денги» помещена монета собрания Георгия Михайловича, парная к описанной выше копейке 1710 г. Как и та, она несомненно имеет гуртовую надпись, не оговоренную и не приведенную составителем. Следом за ней описываются еще три совсем другого вида и, конечно, веса (который в Каталоге вообще не указывался) пробные «денги» поменьше. У двух из них не описаны гуртовые надписи (ср. Рейхель, № 1165 и 1166). Они важны для нас: гуртовая надпись одной наполовину перевернута, третья — такая же проба, но без гуртовой надписи. Последняя в этой серии — единственная полущка, крохотная монетка с гуртом в виде цепочки из колечек (ср. Рейхель, № 1167).

¹⁸ Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. St.-Petersburg, 1842. Th. 1.

Это был последний том, который держали в руках его создатели. Предисловие Георгия Михайловича к тому 1914 г. датировано декабрем 1913 г. И это позволяет признать, что том действительно вышел в 1914 г., но, вероятно, уже во время первой мировой войны, очень быстро нарушившей многие из ранее существовавших связей. Реализация выпущившихся томов всегда производилась конторой великого князя.¹⁹ Если тираж тома 1914 г. был вывезен туда, то в силу последующих событий он не был реализован. Остается фактом, что 19 февраля 1928 г. А. А. Ильин писал А. В. Орешникову, что для библиотеки Исторического музея, все еще не имевшей этого тома, он «сосватал» ему единственный запасный том, имевшийся в библиотеке ГАИМК. Три комплекта в библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа имеют том 1914 г. Один из них происходит из библиотеки Ильина. Карандашными пометками А. А. Ильина пестрят многие страницы этого тома в тексте и иллюстративной части, где на таблицах аккуратно отмечена принадлежность изображенных монет той или другой коллекции (И. И. Толстого, самого вел. князя, Эрмитажа и других собраний). Имеется в Библиотеке Отдела нумизматики и еще несколько экземпляров тома, изданного в 1914 г.

В архиве Ильина в Эрмитаже сохранился разорванный черновик — «отпуск», писанный рукою Н. П. Бауера, к сожалению, без даты, но, по-видимому, незадолго до описываемого далее происшествия: «В Экспедиции заготовления гос. бумаг печатались таблицы для труда великого князя Георгия Михайловича, текст которого печатается в типографии Бенке. Готовые тома находились на складе в Экспедиции. По наведенным справкам (частным) оказалось, что том с описанием монет Петра I (Монеты царствования императора Петра I, том II, 1682—1710. С.-Петербург, 1914) находится в Москве, на складе в Музее Гознака. Там и должны, по-видимому, находиться таблицы, заготовленные для тома III (монеты 1711—1718 гг.), текст которого, насколько известно, набран не был. Желательно получить для Эрмитажа 2 комплекта таблиц к невышедшему тому III и несколько (5) экземпляров тома II».²⁰ Это обращение, если оно состоялось, было безрезультатным.

В 1925—1928 гг., будучи студентом Ленинградского университета, свободное от посещений лекций время я чаще всего делил между Отделом нумизматики Эрмитажа (на антресолях Двенадцати-колонного зала) и Этнографическим отделом Русского музея (теперь это самостоятельный Музей этнографии народов СССР). В первый меня ввел Н. П. Бауер, у которого я в одиночестве слушал два года курс западноевропейской и русской нумизматики. Бауер платы не получал, но университет раз в неделю предоставлял ему

¹⁹ Приглашение обращаться за выходящими томами труда (на Офицерскую, 15) печаталось на задней стороне мягкой обложки, в которой книги выходили из типографии.

²⁰ Типография «поставщика Двора» Бенке производила набор и печатание всей текстовой части издания; готовые листы доставлялись для переплета вместе с таблицами в типографию Экспедиции. Приведенная в письме Н. П. Бауера нумерация томов условна.

аудиторию. Узнавший об этом от меня же А. В. Орешников, изрядно не любивший Бауера как защитника взглядов И. И. Толстого, как-то в полемическом задоре обозвал его в печати ни к селу ни к городу «приват-доцентом».

Я приехал в Ленинград со скромным заделом по теме «Дукачи Украины»; с одобрения Бауера она стала моей дипломной работой, а много лет спустя ожила и в книге.²¹ С нею я в первый же год успел побывать и у Орешникова в Историческом музее. Эта тема, внушенная мне сестрой — Евгенией Юрьевной Спасской (1890—1980), которой я многим обязан, и влекла меня к нумизматам Эрмитажа и в Украинский отдел Русского музея. Занимаясь однажды у последних в их библиотеке, я обратил внимание на новые каталожные карточки, нарезанные из тонкого картона каких-то нумизматических таблиц. Ничего удивительного в этом я не видел: все канцелярское дело разоренной годами войн страны еще недавно жило бумагой, выдранной из архивных связок, а чаще писали на оборотной стороне старых документов. В Эрмитажной библиотеке тогда же использовались для карточек широкие поля вульгарно-роскошных альбомов, залежавшихся с романовских торжеств 1913 г. Но на карточках Русского музея были монеты Петра I, и я подумал: вдруг это интересно для Эрмитажа? И не ошибся.

В Эрмитаже я набрался смелости подойти к Ильину. Все свои четыре часа, на которые его привозили на эрмитажной лошади с Пряжки, из его «Картографии», он сутулился над своим столом, как всегда подпирая левой рукой голову из-за болезни шеи. К общему столу, куда сходились завтракать, он никогда не приходил. На меня он не обращал внимания — может быть, потому, что в чем-то не одобрял Бауера, очень доброго ко мне. Это не помешало ему всего через несколько лет в полном согласии с Бауером поручиться за меня перед дирекцией Эрмитажа как заслуживающего доверия кандидата на должность хранителя медалей. После моего сообщения Алексей Алексеевич растерялся, даже в лице переменился и только спросил: «Откуда это у вас?». А услышав ответ, сразу засобирался и как можно быстрее ушел. Как потом выяснилось, — к И. А. Орбели, и вместе с ним они отправились к тогдашнему директору Эрмитажа. Через несколько дней в библиотеку Эрмитажа было привезено из Русского музея около 150 комплектов таблиц с монетами Петра I 1711—1718 гг., по 50 штук таблиц в каждом: сорок (с № LVI по XCV) вполне законченных, с допечатанными номерами таблиц и монет и еще десяток недопечатанных таблиц, без нумерации, с монетами всего 1719 г. Как видно, никому и в голову не пришло во время упомянутых выше поисков справиться в Русском музее, управлявшемся до 1917 г. Георгием Михайловичем.

Судя по предисловию выпущенного в 1914 г. петровского тома Каталога, 40 вполне готовых таблиц составляли полный комплект следующего тома, а еще один том должен был включать монеты

²¹ Спаський І. Г. Дукачи і дукачи України. Київ, 1970.

1719—1725 гг. По всей вероятности, археографический том рассматривался как дополнение к этому изданию. Можно лишь предполагать, что фототипический цех закончил комплект II тома в 1915 или 1916 гг. и на первом же десятке таблиц следующего тома остановился так основательно, что Георгий Михайлович, опасаясь за сохранность тиража, предпочел перевезти все напечатанное к себе в музей. И это могло произойти скорее всего еще в 1916 г.²² Добавлю, что А. А. Ильин, автор последнего тома Каталога, об этом уже не знал.

В результате порожденная войной разруха остановила издание. Применяясь к общей картине хода издания, убеждаемся, что Гиль умер со спокойной совестью, обеспечив наборами сленков все таблицы задуманных томов. Война остановила выполнение заказа, тем более что и у заказчика не могло быть никаких оснований торопить типографию.

О полном успехе Ильина и Орбели я узнал через несколько дней, прийдя на лекцию Н. П. Сыцова, который тогда был директором Русского музея. Проходя мимо меня, он подмигнул и шепнул: «Ябедник!». Таблицы благополучно сохранились во время блокады; впоследствии музей и учреждения, имевшие тома Корпуса, могли получить в Эрмитаже по комплекту таблиц последнего тома. Посылались они и некоторым зарубежным музеям по соответствующим лицензиям.

Репрессированный в 1933 г., я оставил работу в Эрмитаже и снова вернулся сюда в январе 1946 г. Весной того же года А. А. Маркова, глубоко, как и я, чтившая Ильина, привела меня поклониться его могиле на склоне Парголового холма, над озером. Он умер в стенах Эрмитажа летом 1942 г. Вскоре мне пришлось разбираться в материалах его архива, переданного в Отдел нумизматики вместе с его библиотекой. Оказались там и его рабочий комплект таблиц с монетами Петра 1682—1710 гг., и все полностью донечатанные таблицы II тома с монетами 1711—1718 гг. На них-то и находятся упоминавшаяся выше разметка принадлежности монет к собраниям и следы раздумий Ильина над систематизацией Гиля. Еще один признак убеждает, что таблицы II тома уже находились у Ильина по крайней мере в 1917 г., когда он работал над своей книгой о медных монетах Петра I, выпущенной в 1918 г. у него в «Картографии».²³ Чтобы собрать макет ее таблиц, он выкраивал требовавшиеся изображения из тех таблиц, о которых так много говорилось выше. Книга 1918 г. дает точку отсчета для установления времени их появления у Ильина, скорее всего он получил их непосредственно от Георгия Михайловича. В рукописном эрмитажном Каталоге монет Петра I, составленном Ильиным задолго до моего первого появления в Эрмитаже, во всех описаниях по

²² В марте 1917 г. Георгий Михайлович обратился к Временному правительству с просьбой освободить его от обязанностей управляющего Русским музеем.

²³ Ильин А. Русские монеты: Медная монета с 1700—1725 гг.: Практическое руководство для собирателей. Пг., 1918.

1718 г. включительно имеются отсылки к «несуществующим» таблицам Георгия Михайловича.

В годы послеблокадного восстановления Эрмитажа и размещения его отделов на новых местах встретивший меня сотрудник Русского отдела предложил посмотреть какой-то развал русских нумизматических рукописей из библиотеки отдела. В груде желтоватой крупноформатной линованной бумаги с первого взгляда я опознал знакомую мне по архиву Ильина руку М. Г. Деммени, правившего и готовившего к изданию бесчисленные списки документов 1680—1720-х гг. Выписки писались когда-то на первой странице двойных листов, но бумажный голод 1917—1920-х гг. заставил самого Деммени сперва выдрать все чистые вторые полулисты, а потом даже выстригать ножницами кусочки неисписанной бумаги. Я обнаружил писанный рукой Деммени исключительно на выдранных чистых полулистах (как положено, на одной стороне листа) черновик каталога II тома монет Петра с 1711 г. начиная с № 1709, при котором имеется отсылка к табл. LVI, 1, и с последней записью внизу л. 121 № 2592, табл. LXXXII, 15 (червонец 1716 г.). Деммени работал увлеченно, проверяя и правильность систематизации Гиля. Уловив его ошибку, он делал примечание после описания монеты с отсылкой к табл. LVIII, 32, что здесь монета изображена повторно и имеется «на подобающем ей месте, именно на табл. LVI, под № 26». Еще раз в примечании вполне резонно высказывается уверенность в том, что охватить все разновидности петровских медных монет — задача явно невыполнимая.

Не сразу смог я разобраться в этом хаосе рукописных листов, имея возможность обращаться к ним только урывками. Деммени (умер в Новгороде в 1920 г., лишь год спустя после великого князя), закончив все, что было в его возможности, с редактированием и систематизацией выписок и явно имея в своем распоряжении, как и Ильин, знакомые нам таблицы II тома, сменяет амплуа архивиста и принимается за Каталог.

Сравнивая возможное количество чистых листов для письма, которое мог дать этот архив, с л. 121 сохранившегося Каталога, я прихожу к убеждению, что подвижнический труд Деммени частично погубила чистая сторона листов его Каталога, не меньше пяти лет лежавшего без присмотра в опустевших залах Зимнего дворца. Кто-то из обходивших эти залы в страшные блокадные годы взял часть этой рукописи с одной чистой стороной.

Вскоре после находки этих рукописей старый ленинградский коллекционер П. С. Николаев поделился со мной воспоминаниями о том, как около 1937 г. Общество коллекционеров купило у некоей вдовы Арцимович какие-то нумизматические рукописи и передало их в Эрмитаж. Но это никак не могли быть рукописи Деммени — при живом Ильине! Все рукописное собрание Отдела нумизматики сохранилось, и как раз в 1936 г. им была заприходована приобретенная рукопись Каталога собрания Лисенко.

Загадку архива Деммени открывает одна находка в нем самом. Большой лист белой нелинованной бумаги с выполненным незна-

комой мне рукой «Родословием Яковлевых» (с последним Яковлевым, умершим в 1919 г.) оказался среди бумаг Деммени потому, что кто-то, хранивший рукописи, когда-то накрыл их этим листом в ящике или корзине, где они лежали, написав на нем размашисто карандашом: «Рукописи научных сотрудников ИБО, преимущественно по развитию денежного дела». Старейшие бывшие сотрудницы Русского отдела, помнящие годы его организации, З. А. Бернякович и Л. С. Пискунова, свидетели переходного периода от Историко-бытового отдела Русского музея к Русскому отделу Эрмитажа, предполагают, что эти рукописи мог привезти в Эрмитаж старый хранитель библиотеки Историко-бытового отдела П. Н. Шеффер. Это тем более вероятно, что в прошлом Шеффер — ближайший сотрудник Георгия Михайловича в Русском музее, заведовавший там одним из подразделений.